

Елена Никко

Чужие жизни

18+

Елена Никко

Чужие жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70470940

SelfPub; 2024

Аннотация

"Чужие жизни" – два рассказа о музыке и выборе своего жизненного пути. Эрика – старшеклассница, стоящая на пороге сложного выбора профессии и ради этого отрекающаяся от любимого дела. Но можно ли вырвать и выбросить из жизни часть самого себя? Виктор – учитель математики, чья судьба сложилась не так, как ему хотелось бы. Как мы влияем на чужие судьбы?

Содержание

Часть первая. Эрика.	4
Часть вторая. Учитель.	15

Елена Никко

Чужие жизни

Часть первая. Эрика.

В окно бил раздражающий в своей монотонности мелкий дождь, больше подходящий для начала ноября, чем для конца февраля, а в классной комнате шел оживленный спор по поводу приближающегося выпускного у старших классов.

– Эрика, не веди себя как ребенок, – возмущалась строгая дама, поправляя на переносице очки, – ты должна выступить на концерте.

– Да, – поддержала ее одноклассница девушки, названной Эрикой, – ты ведь хорошо поешь. Чего тебе стоит?

Чего тебе стоит? О, Эрика могла бы многое ответить на этот, казалось бы, незамысловатый вопрос. В первую очередь, что она обещала себе больше не связываться с музыкой и что она не собирается нарушать данного себе обещания, но вслух выдала лишь несколько заранее подготовленных отговорок:

– Но, Светлана Васильевна, вы же сами понимаете, у меня экзамены на носу... И потом, в школе много других, кто может спеть... Вот хоть Маша из 7Б...

– Бог с тобой, – раздраженно отозвалась классная руководительница, – поступай, как знаешь.

На этом неприятный разговор закончился. И хотя вслух тема более не поднималась, некоторые учителя все равно могли время от времени смерить девушку укоряющим взглядом, будто предлагая подумать еще раз. Ученица одиннадцатого класса, Эрика, упорно делала вид, что не замечает, с двойным усердием зарываясь в учебники по математике и физике.

– Я собираюсь поступить на инженера, – вдохновенно отвечала она расспросы подруг, стараясь не вспоминать про лежащий в самом дальнем углу шкафа диплом музыкальной школы, давно уже покрывшийся тонким слоем пыли.

«Мы все инженеры, – любила говорить Эрике мама, – а ты не понимаешь элементарных формул... Какое наказание!» И Эрика соглашалась. «Я хочу быть как все!» – с бессильной злобой думала она, сжимая ладони в кулак, и клятвенно заверяла себя саму, что музыка была для нее лишь глупым детским хобби и что она никогда больше не притронется к клавишам некогда обожаемого пианино. Как же так вышло? Музыка всегда была частью жизни Эрики, сколько она себя помнила. С теплом вспоминались те дни, когда она после школы вприпрыжку бежала в музыкальную школу, чтобы выучить очередную сонату или романс, или на занятие пением. Однако, она, несмотря на хорошие результаты, никогда не гналась за конкурсными наградами или славой, а

потому к одиннадцатому классу даже не рассматривала музыку как дело жизни, и опять же, родители бы не поняли... Подруги по музыкальной школе тоже забросили свое увлечение и общение с ними начало сходить на нет, каждый из них готовился к поступлению в университет. Пианино продолжало стоять в комнате – выбросить не поднялась рука – и притягивать к себе тоскливые взгляды, но больше не могло заменять Эрике весь остальной мир. «Я стану инженером», – твердая уверенность звучала в ее словах.

В таком режиме и проходил месяц за месяцем последнего школьного года, пока не наступил так проклинаемый Эрикой февраль, принесший с собой ту самую морось за окнами и разговоры о выпускном и пении. Засиживаясь допоздна над тетрадью по физике, девушка становилась все угрюмее, становясь больше похожей на собственную тень, чем на человека. Вся музыка оказалась для Эрики под запретом – стоило только зазвучать в ушах первым нотам какой-нибудь песни, как на глаза наворачивались слезы, а перед мысленным взором вставало, как наяву, запылившееся пианино, знакомая до последней царапины сцена главного зала музыкальной школы в приглушенном свете и бессчетные страницы нотных партий, сопровождавших Эрику, кажется, всю ее жизнь.

«Я стану инженером, – как мантру, твердила себе Эрика, старательно уклоняясь от разговоров о возможном выступлении. – Музыка мне только мешает, я должна думать об уче-

бе...»

А тем временем в свои права медленно вступала весна, возвращая приподнятое настроение даже самым хмурым. «Кап-кап-кап, – застучала по школьному подоконнику, будто отбивая странный, неровный марш, первая мартовская капель. – Кап-кап-кап-кап». Школа гудела как встревоженный улей – полным ходом шла подготовка к экзаменам, обсуждение образов на выпускной и планов на будущее. Не обошло стороной хорошее настроение и Эрику. «Кап-кап-кап», – стучала капель, «тук-тук-тук», – вторили незамысловатому ритму барабанившие по парте пальцы. От обилия формул, цифр и правил, кажется, кружилась голова, но девушка лишь перечитывала еще раз плывущие перед глазами строчки, повторяла беззвучно теорему за теоремой, иногда засиживаясь до самого утра. Кап-кап-кап... И вместе с капелью в город возвращалась музыка. Эрика, сама того не замечая, насвистывала популярные мелодии по пути в школу, будто подражая птицам, чьи жизнерадостные трели уже разносились по улицам. А пианино продолжало покрываться пылью, будто музыку можно было запереть под опущенной крышкой...

«Очень хорошо, – сдержанно замечала мама Эрики, рассматривая лист с результатами годовой контрольной. – Как замечательно, что ты все-таки взялась за ум! Но все-таки, дочка... Не жалко, что забросила играть? Столько лет на музыкальную школу потрачено...»

«Не жаль», – пожимала плечами в ответ Эрика, хотя в глазах начинало предательски щипать.

«Жаль! Очень жаль!» – кричал внутренний голос, казалось бы, навечно похороненный среди цифр и формул, теснившихся в голове.

– Знает каждый инженер, – напевала Эрика перед контрольной по физике, – «вэ» равно «омега» на «эр»...

– Ловко ты это придумала, – рассмеялись одноклассницы, – и запоминается легко.

– Спасибо, – опустила взгляд в пол девушка, мысленно укорив себя за то, что пела, сама того не заметив.

– К слову, ты ведь красиво поешь, да и на фортепьяно играешь... Может все же выступишь на концерте?

– Мы это уже обсуждали.

Тогда подруги, которые, в свою очередь, участвовали в подготовке танца для того же концерта, уговорили Эрику хотя бы посидеть в зале, пока идет репетиция, и подождать их, чтобы прогуляться после школы – на улице стояла удивительно ясная и теплая для марта погода. Скрепя сердце, Эрика согласилась, заранее зная, что что пожалеет об этом. Семиклассница, которую попросили спеть песню вместо Эрики, пела хорошо, но... не так. И как бы Эрика не убеждала себя, что ее это не касается, ей нестерпимо захотелось оказаться на сцене вместо этой ученицы, которая, казалось, сама горела желанием выступить. «Я должна учиться, – строго

одернула себя выпускница, отворачиваясь от сцены, – и все же... в эту песню надо вкладывать совсем другой смысл...»

Уроки шли своим чередом, но мотив песни не шел из головы Эрики ни на следующий день, ни через три... «Кап-кап-кап-кап», – стучала капель, «До-си-до-ми...» – звучала в ушах мелодия, хотя на уроке физики стояла почти оглушительная тишина, нарушаемая только скрипом ручек и шелестом страниц. Кажется, мелодичный напев окутывал всю школу, разносился по улицам, просачивался в форточки, заполняя собой все свободное пространство. Только вот, почему-то никто не замечал. Эрика напевала полюбившуюся мелодию постоянно: по дороге в школу, на переменах, в то время, пока ждала подруг с репетиции...

Капель давно отзвучала, в свои права уверенно вступал последний весенний месяц. А потом вдруг случилось неожиданное – Маша, та самая, кто должен был петь на концерте, сорвала голос, получив предписание не петь ближайшие несколько недель, и в один из дней Эрику почти насильно привели в актовый зал в начале репетиции и попросили спеть.

– Точно больше никому? – обреченно спросила она у подруг, сразу же получив отрицательный ответ, – ну ладно, я попробую...

– Только у нас проигрыватель сломался. Сможешь сама наиграть?

Тяжело вздохнув, Эрика откинула крышку школьного

фортепьяно, чувствуя необъяснимое радостное предвкушение, когда ее пальцы коснулись клавиш. Стоило ли год избегать этого, чтобы в последний момент нарушить данное себе самой обещание? Эрика запела, все в зале затихли как по волшебству. Ее пальцы привычно извлекали аккорды из инструмента с такой легкостью, будто и не было перерыва длинной почти в год, Эрика закрыла глаза, забыв о зрителях и растворяясь в песне... Когда она закончила и последний аккорд затих под потолком, актовый зал взорвался аплодисментами и одобрительным свистом.

– Это просто нечто! – к Эрике подскочили ее подруги, а остальные ребята, окружившие фортепиано, согласно закивали, – ты должна спеть на концерте!

– Но экзамены... – попыталась возразить девушка, с сожалением закрывая крышку инструмента, спускаясь со сцены и поднимая сумку с учебниками. – Мне правда кажется, что это плохая идея.

И все-таки тем же вечером Эрика, не удержавшись, села за пианино, по памяти наигрывая мелодию и в полголоса напевая слова. «Неужели про пианино вспомнила? – заглянула в комнату мама девушки, хмуро поглядев на дочь, но почти сразу смягчившись. – А уроки готовить кто будет? Но песня красивая...» Эти слова неожиданно подбодрили Эрику. «Ничего страшного ведь не случится, если я сыграю на концерте, правда? – мысленно спросила она у себя, будто оправдываясь. – Я же смогу и учиться и репетировать... Мама

вроде не против...» С этого дня школьные будни вдруг перестали течь размеренно, а полетели с огромной скоростью, Эрике приходилось делить время между учебниками и репетициями после уроков. Зато вернулось давно потерянное окрыляющее чувство, с которым маленькая Эрика торопилась на урок в музыкальную школу, теперь она также спешила в актовый зал, едва дожидаясь звонка с последнего урока. Приближались экзамены. Выпускникам становилось всё сложнее – уроков в расписании и домашних заданий становилось все больше, учителя были все нетерпимее к ошибкам, а контрольные – все чаще. Многим не хватало времени на нормальный сон и еду, порой Эрика замечала в коридоре или углу класса одноклассниц в слезах, после очередного изменения расписания, да и сама с трудом справлялась с напряжением, но, тем не менее, она держалась и помогало ей во многом ее фортепиано. Теперь по вечерам Эрика играла не только песню для концерта, но и другие, полузабытые, но по-прежнему вызывающие воодушевление. Это помогало успокоиться и отдохнуть после тяжелого дня, полного волнений по поводу экзаменов.

В день первого экзамена она шла в школу с улыбкой, в отличие от многих своих одноклассников, ярко светило солнце, отражаясь в многочисленных окнах домов и пуская солнечных зайчиков по асфальту и проходим, а легкий ветер шумел листьями деревьев, и в этом шелесте Эрике слышалась удивительная вдохновляющая музыка, будто гово-

рившая: «Ты все сдашь». «До-си-ми... Скорость равна...» – формулы причудливо сплетались с нотами... На протяжении всех экзаменов музыка подбадривала Эрику и вовсе не мешала, совсем наоборот. И как можно было предположить, что то, что было частью тебя самого, могло принести вред? Нет, Эрике было бы куда хуже если бы она продолжала держаться за свое обещание, мучаясь сама и мучая других... Кто сказал, что музыка может быть только в жизни музыканта?

И вот экзамены остались позади, настал день концерта. В зале не было ни одного свободного места: выпускники, их родители, учителя... И вот под сдержанные аплодисменты на сцену вышла Эрика. Нервно одернув рукав праздничного платья, она села перед фортепиано и, глубоко вздохнув, занесла руки над клавишами.

– В этот светлый майский день

Мы с тобой навек простимся

И по свету разлетимся...

Ну а ты в нас просто верь, – ее голос разнесся по залу и каждый слышавший его понимал, что певица вложила в исполнение, как говорится, часть себя. Она пела, вспоминая годы учебы, и пусть многие говорят, что вспоминать в них нечего, для Эрики школа неразрывна была связана с друзьями, с которыми их скоро разбросает кого куда, с любимым учителем, много раз помогавшим ей советами, и, конечно, с музыкой... -

Мы стоим в последний раз
У дверей в знакомый класс...

В зале тихонько всхлипнул кто-то из родителей, а классная руководительница Эрики незаметно стерла с щеки слезу. А Эрика пела, не замечая ничего вокруг, пела в первую очередь для себя. И казалось, что школа поет вместе с ней, не люди, нет: стены, коридоры, парты и цветы на подоконниках, лестницы и двери... Те классы, у которых в этот день шли обычные уроки затихали и прислушивались к едва слышному фортепиано, которое, кажется звучало ниоткуда и отовсюду одновременно.

– Быстро годы пролетели,
Каждый вспомнит о своем.
Сколько песен мы пропели,
Сколько мы еще споем...

Последний аккорд песни потонул в шуме оваций. Эрика поднялась и поклонилась, не скрывая счастливой улыбки. Жалела ли она о том, что не сделала музыку делом своей жизни? Вовсе нет. Никто не сможет лишить ее музыки, она повсюду: в шелесте листвы, стуке капли, даже в математических формулах, а не только в клавишах фортепиано...

– Так ты не хочешь поступать в музыкальное училище? – спросили Эрику через несколько дней после концерта, – у тебя ведь настоящий талант.

– Нет, – беспечно улыбнулась девушка, – я стану инжене-

ром... но это ведь вовсе не значит, что музыке не найдется места в моей жизни, правда?

Часть вторая. Учитель.

Четверг. Обычный серый четверг в конце ноября. По многолюдному проспекту, протянувшемуся от железнодорожной станции до городского парка, шел молодой мужчина. На вид ему было не больше тридцати двух лет, но тяжёлый взгляд добавлял ему возраста и при этом казался совершенно не подходящим: хмурый, колючий, даже злой, он совершенно не вязался с его светло-русыми слегка выющимися волосами и прозрачно-серыми глазами, которые из-за этого самого взгляда часто сравнивали с бездушной бетонной стеной. Голубой шарф, наброшенный на плечи, развевался от ветра и быстрой ходьбы, хлеща оказавшихся слишком близко прохожих, но мужчина даже не думал оборачиваться, чтобы извиниться.

На углу парка, в конце проспекта, высилось массивное четырехэтажное здание, выкрашенное светлой краской и оштетинившееся двумя десятками окон с каждой стороны. Здание это являлось средней школой небольшого городка, а человек с проспекта – учителем математики. Говорят, что учитель – работа по призванию, и тот, чья судьба с самого начала не была определена как служение этому поприщу, никогда

не сможет научить и наставить. Этот же человек таким призванием не обладал. Для учеников он был Виктором Владимировичем – придиричивым и несправедливым преподавателем, славившимся своими резкими словами в адрес учеников; для приятелей – просто Виком, на иностранный манер, хотя и приятелей-то толком не осталось. Прозвище сохранилось еще с подросткового возраста, когда он грезил своим становлением как известного на весь мир певца и бесконечными зарубежными турами. Не сложилось...

Виктор Васильевич имел привычку заявляться в класс ровно за одну минуту до звонка и с порога требовать от учеников безукоризненного поведения: ни одного шепотка он не оставлял без замечания, занижал оценки даже за самые незаметные помарки в тетрадях и маленькие рисунки, иногда оставляемые учениками на полях, даже сидеть за партой позволялось лишь ровно-ровно, вытянувшись по струнке... Но больше всего он любил проходиться по тем или иным талантам учеников. Хорошо рисуешь? Глупости, весьма посредственно, лучше уделяй внимание уроку, а не своим каракулям. Хочешь стать певицей? Не витай в облаках, для этого нужен настоящий талант... Готовишься к чемпионату по плаванию и поэтому не был на уроке? Никогда не сдашь математику и станешь никем... Таково было его отношение к окружающим.

В это утро Виктор был еще более раздраженным, чем обычно: накануне он дал десятиклассникам контрольную, из-за чего всю ночь вынужден был потратить на проверку, пренебрегая собственным сном. Теперь же он надеялся, что выведенный почти под каждой работой размашистый «лебедь» заставит учеников надолго присмиреть. Первые два урока прошли совершенно непримечательно – пара чуть более язвительных, чем обычно, замечаний, но не более того – и вот перед Виктором предстал тот самый десятый класс. Возможно, если бы обратил он чуть больше внимания на своих учеников, то заметил, каким потерянным выглядел один из старшеклассников, с безучастным видом сидевший за третьей партой. Но мужчина не привык к подобному, а потому сразу приступил к оглашению оценок.

– Савельев – три! Ветров – два! Кротова, Николаева, Павлов – три! Щукина – четыре! Яна, ты можешь лучше... Ушкин – два! Очень-очень плохо, Марк, просто отвратительно...

Продолжая зачитывать свой список, Виктор совершенно не видел, как тот, кого назвали Марком, вдруг с силой вце-

пился пальцами в край парты и побледнел. За весь урок подросток не записал ни слова в тетради, лишь, как загипнотизированный, смотрел на резкий росчерк учительской «двойки» и перечеркнутые ответы. Естественно, это не ускользнуло от внимания преподавателя, вызвав очередное замечание с его стороны.

– Долго ты еще будешь статую изображать? – недовольно спросил Виктор, останавливаясь возле парты ученика и нависая над ним. – Надо было лучше готовиться. Потратил бы лишний час дома на уроки, а не какую-нибудь ерунду, и не пришлось бы теперь стыдиться! Ничего, придеешь и перепишешь в сре...

– Извините, мне нужно выйти, – оборвал его на полуслове Марк, рывком поднявшись из-за парты и выскочив за дверь, громко хлопнувшую за его спиной. На долгие две минуты в классе повисла мертвая тишина. Виктор заложил руки за спину и невозмутимо вернулся к учительскому столу, открывая оставленный на нем пятью минутами ранее задачник.

– Чего застыли? Продолжаем работу! – прикрикнул он на растерявшихся старшеклассников. Причиной общего сумбура было то, что Марк всегда являлся самым спокойным из их одноклассников и подобные эмоциональные порывы казались совсем не свойственными ему. Девушка за первой партой нерешительно подняла руку. – Что еще, Волкова?

– Можно выйти? Пожалуйста.

– Иди. Заодно найди этого, – Виктор кивнул на опустевшее место за третьей партой и отвернулся к доске, взяв в руку мел. Снова хлопнула дверь, а вслед за этим по кабинету разнеслась дребезжащая трель звонка с урока. – Все свободны, домашнее задание на доске.

Не дожидаясь пока десятиклассники нестройным хором попрощаются с ним, мужчина вышел в коридор, направляясь в учительскую. Телефон в кармане издал короткое «дзинь», оповещая о непрочитанном сообщении, и тут же был извлечен из кармана. «Привет, какие планы на вечер?» – гласило оно. Это была Агата – подруга детства и по совместительству очень настырная особа, периодически вытаскивавшая Виктора развеяться. «Никаких», – односложно ответил мужчина, все еще хмурясь. «Прогуляемся куда-нибудь?» – снова пришло сообщение, и Виктор, даже не видя Агаты, мог поклясться, что та многозначительно ухмыльнулась, отправляя его. «Не хочу», – настрочил он и вышел из сети.

Когда до учительской оставалось всего несколько метров, Виктор неожиданно услышал голоса, в одном из которых безошибочно опознал ранее упомянутого Марка. Если сначала речь подростка звучала приглушенно и неразборчиво, то теперь она становилась все громче и отчаяннее с каждым произнесенным словом. Мужчина замер, прислушиваясь, а после аккуратно заглянул за угол, увидев, что Марк сидит прямо на полу у стены, то и дело сердито ударяя кулаком по паркету, а Катя стоит рядом с ним, крепко обхватив себя за плечи и слушая.

– Это просто ужасно! – между тем продолжал Марк, не заметив появления второго слушателя. – Я три дня ночами не спал, чтоб его контрольную написать, даже на скрипку времени не оставалось, а он мне «просто отвратительно»! — Марк довольно точно скопировал презрительную интонацию Виктора. – Он мне жизнь сломал, понимаешь?

– О чем ты? – взволнованно уточнила Катя.

– Меня вчера отчислили... Из музыкальной школы, – го-

лос Марка неожиданно стал безжизненным. – Я так много времени тратил на его математику, что не успел подготовиться к экзамену, и меня отчислили. Без права поступить снова, понимаешь? На что мне теперь эта математика...

Виктор сам не заметил, как затаил дыхание, наблюдая за развернувшейся на его глазах сценой. Он смотрел, но не видел, потому что перед ним, как наяву, вставали картины почти пятнадцатилетней давности... Вот он сам воодушевленно говорит Агате, что станет самым известным певцом и выиграет конкурс, проводимый в городе в скором времени... Вот, он же сидит над тетрадью в полупустом кабинете, решая пример за примером... Следующий кадр: он бьет кулаком в стену, с отчаяньем глядя на циферблат наручных часов, – он опоздал на конкурс. Агата стоит рядом, утирая слезы, и говорит, что не все потеряно... Но они оба понимают, что это был его последний шанс.

Виктор добрал до учительской, не разбирая дороги. Он так ненавидел тех, кто уничтожил его мечту, и в кого же он

теперь превратился превратился?.. «Я стал таким же», – медленно проговаривал мужчина про себя раз за разом, будто пытаясь убедить себя, что все не так. Тем временем перерыв подошел к концу и пора было возвращаться к работе. Таким отрешенным, как в этот день, ученики не видели его никогда, и даже сообщение Агаты, что если он никуда идти не хочет, то она сама зайдет к нему в гости, не вызвало никаких эмоций.

Агата нашла его тем же вечером в компании початой бутылки алкоголя. Недоумение, отразившиеся на лице девушки, было успешно проигнорировано в пользу нового глотка спиртного, однако гостя лишь усмехнулась на это, и с демонстративно-высокомерным видом уселась в кресло напротив, впившись в Виктора цепким взглядом и ожидая его объяснений.

– Я убийца... – неожиданно прорезал тишину голос мужчины. Он звучал непривычно глухо и безжизненно.

– Что?

– Я убийца, – равнодушно, как машина, повторил Виктор. – Вот сколько из моих учеников стали теми, кем хотели? Я годами, понимаешь, годами говорил им, что музыка, рисование, книги – все это ничего им не даст... И многие мне поверили...

– И правильно, – зло фыркнула Агата, – ишь, выискались творцы!

– А что я скажу там, – Виктор многозначительно возвел взгляд к потолку, – когда меня спросят, почему Марк, которому была уготована роль виртуозного скрипача, всю жизнь работал экономистом в самой заурядной фирме? Или про Яну из 10А? Очень хорошо играла в школьных спектаклях ведь, а я все равно говорил, что бездарно... А ведь до моих слов она собиралась поступать в театральный институт... Или про Лену, она стихи писала. Помнишь, я тебе показывал пару раз? И книгу она свою выпустить хотела... – он замолчал, снова отхлебнув из бутылки. – Что я потом скажу? Что это моя работа?

– В каком смысле? Выбрось эти глупости из головы, Вик.

– Это не глупость, Агат...

– А я говорю, что глупость! Ну не станет этот Марк скрипачом, подумаешь. Что, его жизнь на этом кончилась? Не пойму, с чего ты взял, что ты его «убил».

– Да как же ты не понимаешь! Из-за меня он лишился своей цели, своей мечты... Кем бы он теперь ни стал, он не будет именно тем Марком.

– А я говорю, что он просто станет нормальным человеком, нет в этом никакой трагедии! – голос девушки стал выше на несколько тонов, отчего Виктор недовольно нахмурился. Повисла напряженная тишина.

– Ты помнишь нас в одиннадцатом классе? – неожиданно перевел он тему спустя несколько долгих минут молчания. Агата ответила молчаливым кивком, и ее губы изогнулись в горькой усмешке. – Я хотел стать певцом, готовился к конкурсу, а в день его проведения меня задержали после уро-

ков, заставили переписывать какую-то неважную контрольную по геометрии, заявив, что я ничего в жизни не добьюсь, если не исправлю оценку... А я ведь математику всю жизнь ненавидел. Впрочем, ты и без меня все это помнишь.

– Я хотела стать учителем, а мне сказали «зачем тебе такая головная боль, найди стабильную профессию»... – девушка криво усмехнулась, вытащив из кармана пропуск от офиса, где работала бухгалтером.

– И кем мы стали, Агат? – Виктор бросил короткий взгляд на стопки непроверенных ученических тетрадей на столе и протянул полупустую бутылку собеседнице. – Ты счастлива?

– А ты?

Они обменялись тяжелыми взглядами, в которых каждый без труда прочел мысли собеседника. «Нет». В полной тишине Агата покидала в тот вечер квартиру, а Виктор так и оставался сидеть неподвижно возле заваленного тетрадями стола и вспоминал безучастное выражение на лице своего ученика минувшим утром. Был ли он когда-то таким же? «Убил» ли

кто-нибудь его в свое время, или он сам оказался недостаточно настойчив для своей цели? Одно Виктор понял точно, он не хочет больше быть палачом...

На следующее утро в директорском кабинете на столе лежало написанное косым резким почерком заявление на увольнение.